

О. Н. Трубачев

**ТАВРСКИЕ
И СИНДОМЕОТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ**

Настоящие заметки продолжают тему исследований «*Indoarica* в Северном Причерноморье», результаты которых частично уже опубликованы в статьях: «*Temarundam matrem maris.* К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья». — Античная балканистика. Предварительные материалы. М., 1975, с. 38 и сл.; «О синдах и их языке». — ВЯ 1976, № 4, с. 39 и сл.; «Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье». — ВЯ 1977, № 6, с. 13 и сл. (то же — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 386 и сл.); «Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время». — ВДИ (1978, N 4); «Некоторые данные индоевропейского и славянского языкознания об этногенетических импульсах Северного Кавказа». — Сб-к статей. Махачкала (в печати); «Серебро». — Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 95 и сл.; «*Nichtskythisches im Skythien Herodots*». — (IF 1977, 82).

Начавшись с выявления следов языка собственно синдов и ближайше родственных им меотов восточного Приазовья, эти исследования постепенно расширили (и, вероятно, не могли не расширить) свою территорию, охватив северный берег Азовского моря, где также жили меоты, согласно Плинию, далее — земли на север от Крыма (*Scythia Sindica*, Плиний), включая низовья Днепра и Буга (Южного), а главное — собственно Крым. Античная Таврида, Таврические горы и отгороженный ими южный берег полуострова и на этот раз подтвердили свою репутацию зоны реликтов, которой они пользуются, например, в климатологии и биологии. Проблема тавров и их языка из периферийной для нашего исследования выросла в центральную. При этом дело не просто в умозрительном праве этой проблемы на центральное положение, а в том, что здесь еще можно выявить некоторые следы и отражения, вопреки распространенному пессимистическому мнению на этот счет. Сказанное объясняет замысел статьи и наличие в ней соответствующих этюдов.

Иранцы (скифы, сарматы) затем почти полностью освоили все эти районы от Днепра и Буга до Северного Кавказа. Дольше других иранской экспансии в силу ряда причин противостояли

тавры, как бы сохраняя драгоценную для исследования память об ином этническом составе всей зоны. И тут, как и на Ближнем и Среднем Востоке, между индоарийцами и иранцами наблюдается южно-северное распределение и временнаá последовательность, которая позволяет видеть в индоарийцах с т а р ы х а р и е в, на смену которым приходили новые арии — иранцы. Конечно, в нижеследующей серии заметок оказалось возможным коснуться только части названных проблем. Написанные на ло-кальном, а иногда — экзотическом материале, заметки эти при малейшей возможности связывались с проблемами более общего значения, как например этюд об отражении древнего названия Крымских гор (а также к вопросу о типологии названия гор вообще), которым мы начинаем статью.

I. **salā* 'сток, склон' > '(Таврические) горы'

Может считаться доказанным, что ни этоним Тайро¹ 'тавры', ни название гор в Крыму Таврик² ὄρη не были туземными названиями, но происходят так или иначе из греческой культурной традиции¹. Каким же было древнее туземное название и в состоянии ли мы его установить при наших нынешних скучных знаниях древних этнолингвистических отношений на Крымском полуострове? По-видимому, для этого нам придется оставить основу *taur-* по упомянутой причине совершенно в стороне и обратиться от античности к эпохе христианства. Это представляется методологически интересным и оправданным как раз в целях достижения древних данных, заслоненных античной традицией: раннее и средневековое христианство, хотя и восприняло многое из античной культурной традиции, не переняло и не могло перенять всего, а миссионерская деятельность и политика поставили христианский культурный мир в такие новые непосредственные отношения с периферийным язычеством, при которых неожиданно — а хронологически и весьма поздно — могла всплыть дотоле неизвестная древность или, по крайней мере, ее косвенное отражение. Наша задача — воспользоваться такими свидетельствами.

Обращает на себя внимание обозначение значительной части южного Крыма через греч. *χλίψατα*, буквально 'склоны' (*χλίψα*, -τος — производное от *χλίψω* 'склонять, наклонять'), встречаемое, например, у Константина Багрянородного (Х в.): ... τὴν Χερσόνησον χλίψατα λοιπὰ χλίψατα². Специфическое употребление этого термина применительно к Крыму вполне ощущается исследователями-историками, которые избегают переводить его как 'область' или

¹ Ср. Толстой И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 144; Соломонік Е. І. Таври і Тавріка (Про походження етноніма і топоніма). — Археологія 20. Київ, 1976, с. 46 и сл.

² *Porphyrogenitus Const. De administrando imperio. Greek text ed. by Gy. Moravcsik.* Budapest, 1949, p. 168 (37, 107^r).

‘географическая широта’, но сохраняют без перевода, говоря о Климатах или Готских Климатах в Крыму. Существует мнение, что два историко-географических понятия — (Крымская) Готия и Климаты — территориально совпадают³. Правда, поскольку Крымская Готия определяется как пространство, занимаемое Крымскими горами от Балаклавы до Судака, включая южное побережье⁴, т. е. не что иное как область древних тавров, в которой готы распространялись лишь вторично и поверхностно, с неменьшим правом можно сделать важный вывод, что область расселения тавров и прежде всего — Крымские горы — совпадают территориально с Климатами (τὰ κλίματα). Первоначальное употребление греческого названия *κλίματα* основано, конечно, на его прямом значении ‘с клоны’, что дает право предположить существование туземного названия, переведенного этим греческим словом.

В географической номенклатуре современного и средневекового Крыма повторяется несколько раз основа *Sal-*, *Сал-*, *Сала*, явно приуроченная к Крымским горам. До недавнего времени в Бахчисарайском, Карабазарском и Симферопольском районах отмечались населенные пункты с названием Сала (точнее Ени-Сала)⁵, едва ли объяснимым из крымскотатарского или турецкого языков, ср. в Камеральном описании Крыма 1784 г. — Енисала, Феттах Сала (неоднократно) и Коджа Сала в Мангупском округе и Енисала — в Карабазарском⁶. Туркское происхождение этой топонимической основы маловероятно ввиду наличия примыкающих сюда и тоже тесно связанных с районом Крымских гор названий *Салгир*, *Salusta* (XII в., Идриси, соврем. *Алушта*), *Солхат*, которые все требуют специального рассмотрения (см. ниже).

Объединяющая их основа восходит, как мы полагаем, к и.-е. **sal-* ‘течь, текущая вода’, старому дублету и.-е. **ser-* ‘течь, бежать’, ср. др.-инд. *sarā-* ‘жидкий, текущий’, ‘подвижный’, (субстантивированное) ‘водопад’; вообще по своим фонетическим особенностям больше всего подходит древнеиндийский с его глаголом движения *sar-*, представленным также в *-l-* варианте. Из других индоевропейских ср. др.-прусск. *salus* ‘дождевой поток’. И.-е. **ser-/sal-*, обозначавшее быстрое движение прежде всего потока воды, неплохо подходило и для обозначения самого склона, служившего стоком. Присутствующий при этом синкретизм элементарен и не требует разъяснений сегодня; тем более естественным было это слияние обозначений в глазах давних жителей не очень богатых водой долин и равнин, для которых склоны ближайших гор были главными подателями и стоками влаги. Таким путем

³ Васильев А. А. Готы в Крыму. — ИГАИМК, т. V. Л., 1927, с. 233.

⁴ Васильев А. А. Готы в Крыму. — ИГАИМК, т. I. Л., 1921, с. 334.

⁵ Список населенных пунктов Крымской АССР. Симферополь, 1927, с. 10, 84, 132.

⁶ Камеральное описание Крыма 1784 года. — Известия Таврической ученой архивной комиссии № 6. Симферополь, 1888, с. 41, 42, 48.

получает простое и натуральное объяснение младоавест. *harā*, остававшееся неясным для Бартоломэ⁷. Исключительно интересно употребление этого корня в иранских оронимах, напр. Эльбрус, Эльбурс из ср.-перс. *Har-burz*, сюда же авест. *Xara-bərəzaitī*. Замечательно то, что ввиду ранней утраты апеллативного значения иран. *harā* авестийское выражение *Xara-bərəzaitī* толкуется в литературе просто как 'высокая Хара', причем интересующая нас часть оставляется без перевода, тогда как мы не видим препятствий для прочтения 'высокий (в одо) сток'. Мои западногерманские коллеги проф. О. Семерены и проф. Г. Шрамм, которым я сообщил устно свою мысль о происхождении необъясненного до сих пор авест. *Xara-bərəzaitī*, решительно возражали против этого, так как обозначение горы от первоначального 'течь, поток' казалось им лишенным подтверждающих аналогий. Изложенные выше соображения, как мне кажется, могли бы показать, что их опасения преувеличены. Еще Аристотель указал на то, что именно обширные плотные массы гор с прохладным воздухом могут накапливать и производить особенно много воды (Aristot., Meteor. I, 14. — Цит. по изд.: Aristoteles. Werke. Bd. 12. Herausg. von E. Grumach. Berlin, 1970, S. 37). К этому можно добавить следующее. Известно, что значение 'гора' относится к числу сложных и вторичных значений; считается, что оно развило на базе таких простых, первичных значений как 'высокий, поднимающийся, выступающий', 'куча, груда'⁸. В качестве исходной базы для значения 'гора' синонимический словарь Бака приводит также значения 'склон' (лат. *clivus* 'склон' и 'холм', гот. *hlains* 'холм', родственные лат. *clīnāre*, греч. *χλίνω* 'наклонять') и 'скользить' (др.-ирл. *sliab* 'гора', родственное др.-в.-нем. *slīfan* 'скользить'). Целесообразно считать, что старая лексема со значением 'гора', относительно семантической эволюции которой мы не располагаем данными, еще недостаточно исследована семантически. Таким недостаточно исследованным случаем лексемы 'гора' является, по-видимому, др.-инд. *giri-*, авест. *gairi-*, слав. *gora* — все со значением 'гора' и общей реконструкцией и.-е. **g^uer-*, **g^uor-* 'гора'⁹ (положения не меняет сближение с семантически вторичными соответствиями алб. *gur* 'камень', лит. *giria* 'лес'). Типично именная семантика здесь странно сочетается с типично глагольным (или отглагольным) вокализмом корня **g^ur-*: **g^uor-*; едва ли здесь представлен неапофонический корневой гласный *-o-*, судя по чередованию с нулевой ступенью. Как известно по лучшим образцам семантической реконструкции, общее этимологическое происхождение двух внешне совершенно не связанных рядов форм можно установить по общей позиции нейтрализации. Такой позицией нейтрализации для и.-е. **g^uor-* 'гора' является и.-е.

⁷ Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch 1787—1788: «Et.?»

⁸ Buck, p. 23 и сл.

⁹ Pokorny I, S. 477.

**gʷrīvā-*, относимое некоторыми учеными только к гнезду ‘гора’ (ср. авест. *grīvā* ‘горный перевал’, перс. *garīva* ‘холм’), а другими относимое только к корню и.-е. **gʷer-* ‘глотать, поглощать и т. д.’, (ср. др.-инд. *grīvā* ‘затылок’, перс. *girē* ‘шея’, слав. *griva* ‘волосы на шее’, лтш. *grīva* ‘устье реки’). Как всегда, позиция нейтрализации доставляет много хлопот ученым, причем первые (см. выше) вынуждены отрицать связь **gʷrīvā* с **gʷer-* ‘поглощать’, а вторые обходят молчанием связь **gʷrīvā* и **gʷor-* ‘гора’. А между тем разумнее признать, что перед нами единая цепь этимологически родственных форм; нужно лишь логично объяснить при этом природу значения ‘гора’. Никого не удивит определение вулкана как горы, извергающей огонь, однако реконструируемое нами значение ‘гора’ < ‘извергающая воду’ является в сущности гораздо более универсальным и его манифестация в случае с и.-е. **gʷor-*, слав. *gora* также не должна удивлять (глагольная основа **gʷer-* выступает здесь в значении ‘испускать, извергать через уста’).

Затемненный характер вышеупомянутого ир. *harā* (*Xarā-bərəzaitī*) объясняется также отсутствием индийского эквивалента. Но, не располагая полным эквивалентом, древнеиндийский материал все-таки обнаруживает отдельные и по-своему очень интересные соответствия. Мы считаем таковым др.-инд. *sāra* в составе сложения *Pīlu-sāra*, название горы (NB!); кстати, эта гора называлась еще *Pīlu-giri*¹⁰.

Древнее туземное **salā* в Тавриде оказывается самобытным архаизмом индоарийской принадлежности (сохранное *s* этимологическое). Предложенная выше этимологическая увязка др.-инд. *girī* ‘гора’ с и.-е. **gʷer-* ‘пожирать/извергать через уста’ позволяет по-иному взглянуть на наличие в древней Индии, наряду с названиями гор на *-giri*, именно названий рек с этим компонентом: *Candanagiri*, река в Южной Индии, *Antyāgirā*, река в Центральной Индии¹¹. Все изложенное выше дает возможность полного этимологического осмыслиения названия самой большой реки Крыма, берущей начало в Крымских горах — *Салгир*, также *Салгиръ*¹²: из индоарийского **sal-gir(i)* ‘низвергающаяся с гор Salā’. Обращает на себя внимание индоарийский (древнеиндийский) рефлекс нулевой ступени и.-е. **gʷl-*: *gir-*. Малоубедительны существующие тюркские этимологии этого гидронима, неизвестного за пределами Крыма, где появление тюркского элемента в ономастике всегда вторично, тогда как другие (т. е. дотюркские) названия этой реки в данном случае попросту отсутствуют. Таково объяснение гидронима *Салгир(ъ)* из племенного названия средне-

¹⁰ Monier-Williams M. A. Sanskrit-English dictionary. New edition. Oxford, 1964, p. 630.

¹¹ Law B. C. Rivers of India (Historico-geographical sketch). Calcutta, 1944, p. 40, 51.

¹² Wörterbuch der russischen Gewässernamen unter der Leitung von M. Vasmer herausg. von H. Bräuer. Lief. 10. Berlin — Wiesbaden, 1967, S. 156.

азиатских туркмен *Салур*, *Салвур*, *Салыр*, *Салор*, *Салгыр*¹³, далее — толкование из причастной формы глагола *salmaq* ‘брать’, ‘пускать’, ‘расстилать’¹⁴, наконец, этимология В. И. Филоненко, который выделяет здесь тюрк. *kyr* ‘степь, горный склон, урочище’, но одновременно допускает субстратное, дотюркское происхождение части *Сал-*¹⁵. Последнее, пожалуй, ближе всего к истине.

Нетюркский, автохтонный характер названия *Салгир* убедительно яствует из предлагаемой ниже этимологии названия Алушты, точнее — древней формы этого названия: *Salusta*, 1153 г., Идриси, также *Schalusta* у Географа Нубийского¹⁶. Но прежде чем обратиться к этимологии, поучительно будет посмотреть на географическую карту этих мест: истоки реки Салгир и Алушта, вернее Алуштинская долина, близко граничат друг с другом, как бы подтверждая наличие общности у самих названий *Сал-гир* и *Sal-us-ta*. Повторяемое некоторыми краеведами объяснение названия *Alyushta* из местного греческого диалекта (‘неумытая’)¹⁷ нельзя, конечно, считать подлинной этимологией первоначальной формы *Salusta*. Мы членим последнюю в соответствии со сказанным выше как *Sal-us-ta*, где первый компонент — реконструируемое название Крымских гор **Sal(a)*, а второй связан с индоевропейским названием уст, рта, ср. др.-инд. *ōṣṭha* ‘губы, уста’. ‘Устье (гор) **Salā* — это этимологическое значение названия *Salusta* = *Алушта* как нельзя лучше соответствует характеру местности: «Главная дорога из степной части Крыма за горы и к морю пролегает мимо Симферополя, вверх по Салгиру и через Ангарский Богаз в Алушту»¹⁸. Членение *Sal-us-ta* и выделение основы **usta*/**ōsta* находит поддержку в античном названии *Parosta* (Plin. NH), *Пароста* (Ptol. 3, 6, 5), города, приблизительно локализуемого при впадении реки Карадаг справа в Салгир. Надо сказать, что эта условная локализация подтверж-

¹³ Навширанов З. Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III. Симферополь, 1929, с. 80; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 364.

¹⁴ См., вслед за Шапшалом: *Abrahamowicz Z. Hadzy Mehmed Senai z Kzymu. Historia Chana Islama Gereja III*. Wyd. Abrahamowicz. Warszawa, 1971, с. 40, примеч. 81.

¹⁵ Филоненко В. И. К вопросу этимологического анализа тюркских гидронимов Крыма. — УЗ Пятигорского пединститута иностранных языков, т. 28. Ставрополь, 1963, с. 132.

¹⁶ Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор. Таврических. СПб., 1837, с. 104, сноска, 183—184.

¹⁷ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XXXII, 1915, с. 242—243; Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма как исторический источник. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1928, с. 20.

¹⁸ Кеппен П. Указ. соч., с. 326.

дается структурой самого названия, которое можно проэтимологизировать как **par-osta* ‘за устьем’, возможно, индоарийского происхождения. По всей долине Салгира от Салусты до Парости, очевидно, сидел один и тот же этнос или во всяком случае близкие племена.

Завершая обзор следов туземного названия Крымских гор **Salā*, упомянем еще один возможный реликт такого рода **sal-gat-*, предположительно восстанавливаемый на основе названия Солхат, в древности обозначавшего город Старый Крым, крупнейший в средневековом Крыму и как бы стоявший на подступах к горному Крыму с востока. Название Солхат, встречаемое в XIV в., восходит, видимо, к более древней эпохе и, судя по употреблению, является для татар чужим¹⁹. Если не считать неудачной попытки армянской этимологии²⁰, это до сих пор не объясненное название можно было бы понять как сложение **Salā* (см. выше) и формы, близкой к др.-инд. *gātū* ‘путь, доступ’, ср. *Pal-ghat*, название перевала в Индии.

II. **pravlin(a)-* ‘раздавленный, поверженный’

Житие св. Стефана Сурожского, особенно эпизод с его посмертными чудесами, получило большую известность в русской истории и истории самого русского имени: какой-то князь именем Бравлин с русской ратью из Новгорода (вар. из русского Новгорода) повоевал землю от Херсона до Корчева и Сурожа. Это было спустя немногого лет после смерти святого, т. е. е д в а л и п о з ж е 800 г. Последний момент хронологии, а также то обстоятельство, что местом действия был Крым, очень смущало одних ученых, а других вдохновляло на смелые построения. Даже если считаться с довольно ранним восточнославянским присутствием на берегах Черного и Азовского морей, поход новгородцев против византийских владений в Тавриде в то время маловероятен; столь же маловероятно это с разных точек зрения (около 800 г.!) и относительно варяжских дружин (считать упоминание о Новгороде позднейшей вставкой — тоже не лучший выход из положения). Предполагать в этой русской рати каких-то причерноморских германцев, как это делали некоторые исследователи, значило решиться на акт отчаяния. Скорее всего, однако, мы имеем здесь дело с каким-то другим Новгородом и каким-то особым, местным употреблением имени *русский*, причем и то и другое — в пределах Крыма. Очень перспективное отождествление «русского Новгорода» с Неаполем Скифским близ нынешнего

¹⁹ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 75; Старокадомская М. К. Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. — В кн.: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, с. 164.

²⁰ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973, с. 105.

Симферополя²¹ проливает свет на оба кардинальных вопроса и показывает локальный характер этих военных действий: по одну сторону — прибрежная полоса византийских владений, а по другую — сложный к тому времени этнический конгломерат, населявший горный и предгорный Крым. Кто были эти литературные тавроскифы и достаточно ли констатировать для этих мест и этого относительно позднего времени преимущественно аланское население? Ввиду скудости и двусмысленности письменных свидетельств возрастает значение этимологии, в данном случае — этимологии имен, которая выхватывает прежде неизвестные подробности из тьмы раннего средневековья Тавриды. Но сначала обратимся к интересующему нас месту жития:

(І) приходженіи ратю к Сурожу князя Бравлина из Великого Новаграда. По смерти же святаго мало лѣтъ мноу. прїиде рать велика роусская из Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣлъ. плѣни ѿтъ Корсоуя и до Корча. съ многою // силою прїиде к Соурожу. за 10 дній бишася злѣ межоу себе. и по 10 дній вниде Бравлинъ. силою изломивъ желѣзнаа врата. и вниде въ градъ, и земъ мечь свой. и вниде въ церковь въ святую Софию. и разбивъ двери и вниде идѣже гробъ святаго. а на гробѣ царьскoe ѿдѣло и жемчугъ и злато и камень драгый, и кандила злата. и съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. и в томъ часѣ раз'болясь. ѿбратися лице его назадъ, и лежа пѣны то чаше. възпи глаголя, великъ человѣкъ святъ есть иже зде. и оудари мя по лицу, и ѿбратися лице мое назадъ. и рече князь боляромъ своимъ. ѿбратите все назадъ что есте взяли. ѿни же възвратиша все. и хотѣша и князя пояти ѿттуду. князь же възпи, глаголя. не дѣйте мене да лежу, и изламати бо мя хощетъ единъ старъ святъ моужъ. притисну мя, и душами изити хощетъ. и рече имъ, скоро выженѣте рать изъ града сего. да не възметъ ничто же²².

Загадочное имя князя, которое пробовали производить даже от шведского местного названия *Bravalla*²³, утратит свою загадочность, если мы в соответствии с указаниями контекста, специально выделенными нами выше, обратим внимание на близость имени *Бравлин* и др.-инд. *pravlina-* ‘раздавленный, поверженный, свалившийся’²⁴, регулярного префиксально-суффиксального отлагольного производного (*pra-vlī-na-*).

Как отмечает исследователь Жития св. Стефана Сурожского В. Г. Васильевский, русское подробное житие, включая эпизоды

²¹ См. Соболевский А. И. Топонимические заметки. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III. Симферополь, 1929, с. 1; Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ 1977, № 6, с. 28.

²² Васильевский В. Г. Труды, т. III, Пг., 1915, с. 95—96.

²³ См., вслед за Н. Т. Беляевым: Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 280.

²⁴ Monier-Williams. Op. cit., p. 694.

посмертных чудес, есть вероятный перевод с греческого²⁵. Это отразилось, как нам кажется, и на форме имени, которая передает не столько туземное (видимо, таврское) *pravlin(a)-, сколько его греческую запись *Βραβλίνος с проведением в последней асимиляции согласных. Эпизод, несомненно, имеет историческую или фольклорно-историческую основу. Прежде чем таврический сугдейский грек записал этот рассказ, он, вероятно, ходил в устной форме. В нем отражено действительное событие — осада, взятие Сугдей неким тавроскифским вождем, с которым при этом случился припадок, стоявший ему потом прозвища. Это прозвище греческий автор, а, возможно, и те, кто ему рассказывали, приняли за имя. То, что это прозвище малым штрихом и вместе с тем столь недвусмысленно характеризует этническую принадлежность князя и его среды, сейчас трудно переоценить.

III. ^(v)*cikita- 'письменный' знак'

Недавней заменой названия поселка *Никита* в Крыму названием *Ботаническое*²⁶ стерт еще один след догреческой древности. Мы говорим — догреческой, потому что общеизвестный и «понятный» из греческого вариант *Никита* (*νικητής*²⁷) отнюдь не является наиболее ранним и наиболее авторитетным этимологически, вопреки принятому мнению²⁸. Наиболее первоначальной формой является зафиксированное в генуэзских списках Кафы пятисотлетней давности *Sikita*²⁹, как раз непонятное из греческого³⁰. Собственно говоря, форма *Sikita* в генуэзских документах восходит к греческому письменному оригиналу, имевшему скорее всего вид *Σικίτα, но эта последняя форма уже совершенно непрозрачна и объектом серьезного этимологического исследования еще не была.

²⁵ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. CCLXXI.

²⁶ Мера тем более неудачная, что рядом находится всемирно известный Никитский ботанический сад, получивший в XIX в. название именно по деревне Никита.

²⁷ Греч. *νικητής* 'победитель в игре' засвидетельствовано в поздних надписях, а в функции имени деятеля 'победитель' широко употреблялось прич. прош. аор. ὁ *νικήσας*, употребительность которого делала как раз излишним чистое имя деятеля от этого глагола (см. *Chantre P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, t. III. Paris, 1974, p. 754).

²⁸ См. напр. *Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. — Записки имп. Одесского общества истории и древностей*, т. XXXII, 1915, с. 242—243.

²⁹ *Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч.*, с. 230.

³⁰ Другая греческая этимология — из *Συκύτα* от *σύκον* (так см.: *Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии*, т. II. Симферополь, 1928, с. 22; *Συκίτης* < *σύκον* см.: *Белецкий А. А. Греческие элементы в географических названиях Крыма. — Этимология. 1967. М., 1969, с. 206*) тоже неубедительна.

Выше Никиты расположено плато или часть крымской Яйлы — верхняя Никита или Никитская Яйла. «. . .на Яйле, при дороге из Никиты в Бююк Ёзёнбаш, есть урочище, называемое Грámата, или по-татарски: Язлы (и Язды-) Таш, т. е. камень с надписью. Татары, видевшие оный, сказывали мне, что тут есть на камне надпись, строки в две, не татарская, но вероятно френкская (татары так именуют народ, обладавший некогда Южным берегом). Эта надпись, если действительно существует, вероятно, новогреческая»³¹. Надписи больше нет, в чем я убедился лично, посетив в апреле 1977 г. территорию Ялтинского лесничества и урошице Грамата; но она определенно существовала, потому что мне точно показали на Грамате, у старой заброшенной дороги одиноко стоящий, отдаленно напоминающий стелу, но совершенно выщербленный камень-песчаник, на котором прежнее поколение лесников еще помнило непонятную надпись желтой краской³². Надпись безвозвратно утрачена, и остается неясным, была ли она древняя или относительно нестарая, как можно заключить по некоторым преданиям. Здесь остается ждать помощи только от этимологии и ономастики. Грамата (название Язлы-таш сейчас не в ходу) — довольно большое пространство земли, скал и леса, и то, что оно получило свое название по одной надписи, говорит о значительности этого факта, а главное — о давности его. *Гráмата, Язлы-таш, Язылыкая*³³ или «писаницы» — так обычно называет местное население письмена, дошедшие или оставшиеся от другого, неизвестного народа. Греческое и татаро-турецкое население Крыма тесно общалось друг с другом и было охвачено двуязычием. Во всяком случае о неизвестности тут говорить не приходится. Тем не менее, след забытого древнего местного населения дошел до нас в виде названия *Sikita*, которое оказалось прочнее, чем камень и выкрошившаяся надпись на нем. При надлежала ли эта надпись таврам или не принадлежала, что вполне возможно, была ли это вообще надпись или какие-либо дописьменные примитивные знаки вроде тех, которые известны из других мест Северного Причерноморья (вспомним то, что отсталые и замкнутые тавры едва ли могли иметь письменность или даже нуждаться в ней), остается фактом преемственное наличие и повторение в этой местности названия 'надпись', 'камень с надписью'. Эту традицию греки и тюрки переняли здесь у более древних туземцев, которыми могли быть только тавры, языку которых, очевидно, принадлежало название *Sikita*, не читающееся ни по-гречески, ни по-татарски. Форма *Sikita*, или, вер-

³¹ Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, с. 22.

³² Кеппен (указ. соч., с. 174) говорит еще о надписи красной краской. Ср. еще легенду «О письменах на камне близ Никиты» (Крымские легенды. Сост. Вуль Р. М. и Шляпошников В. И. Симферополь, 1957, с. 38 и сл.).

³³ Ср. Язылыкая 'Расписанные скалы' с письменами близ Богазкёя, в Турции (см. Керам К. В. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962, passim).

нее, *Σικίτα, передает со всей ограниченностью возможностей греческого консонантизма, как мы думаем, таврское (индоарийское) ^(v)*cikita- ‘знак, обозначенное’, ср. др.-инд. *cikit*, прилаг. ‘знающий, опытный’, также личное имя собственное *Cikita*, ср., далее, *cikéti* ‘замечать’ (родственное авест. *čikayat* ‘пусть он покается’ отлично семантически) и *cétati* то же.

IV. ^(v)**salatā* ‘крыша’

В разысканиях следов языка тавров ограничиваться античными источниками только на том основании, что тавры жили в античное время, значило бы совершенно отказаться от попытки прояснения тайны происхождения их языка. Наше внимание привлек такой источник, как собрание дипломатических документов генуэзских колоний в Крыму середины XV в.³⁴ Документ СXXXII (1455 г.) содержит изложение обязательств, взятых на себя неким Антонио, Ассерето и направленных на благо города Кафы: *promitto me obligare inclito officio sancti georgij custodire et aptari facere solatas siue tectos et schallas omnium terrorum ciuitatis vestre caffe expensis meis proprijs in vita mea*³⁵. Ассерето обещал петься о сохранности кровель всех городских башен и высказался при этом очень обстоятельно, даже прибегнув к глоссе, поскольку одно употребленное им явно местное слово, не tolkue-moe ни из итальянского, ни из латинского³⁶, потребовало перевода на официальную латынь: *solatas siue tectos* ‘*solatas*, или крыши’. Таврских глосс, как известно, практически не существует, античная письменность их не сохранила для нас, а это придает особый интерес приведенной выше глоссе в относительно позднем документе. Полный контекст и точная передача значения должны, кажется, заставить умолкнуть любой априорный скепсис. Ясно, что речь идет о крыше, а также ясно, что глоссируемое слово продолжает индоевропейскую глагольную основу *kel- ‘прятать, скрывать’, откуда, например, др.-инд. *śārapā* ‘защитный’, (субст.) ‘кровля, кров, хижина’, также *sālā* ‘хижина, дом’, *sālā-* ‘ограда’, далее — греч. *καλιά* ‘хижина, гнездо’, *καλύβη* ‘кров, хижина’, лат. *cella* ‘кладовая, келья’, др.-в.-нем. *hala* ‘оболочка, кожура’³⁷. Засвидетельствованная форма *solata* ‘крыша’ ближе всего подходит к древнеиндийским продолжениям *kel- как в фонетическом, так и в сémантическом отношении и непосред-

³⁴ Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell’ ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII—MCCCCLXXV), t. I (=Atti della Società Ligure di storia patria, vol. VI). Genova, MDCCCLXVIII.

³⁵ Vigna A. Op. cit., p. 322.

³⁶ Cp.: *Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis*, VII. Graz, 1954; Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano, V. Firenze, 1957, s. v. *salata*, *solata*.

³⁷ См. Pokorný I, c. 553.

ственно отражает, по-видимому, индоарийское (таврское) *śa-la-tā, производное с -t- суффиксальным. Наиболее проблематичный момент в этой реконструкции — рефлекс палatalного задне-небного. Поддержку нашей реконструкции мы видим в родственном топонимическом реликте Челтера на юго-западе Крыма, ср. особенно форму Чалтура в Воронежских актах под 1700 г., которая запечатлела не только шипящий характер согласного, но также и стадию африкаты; последняя форма, кстати, очень близка известному названию города в древней Индии *Śalā-tura*, соврем. *Лахор*.

Весьма вероятно, что описанный случай — не единственный реликт такого рода в упомянутом собрании генуэзских документов в Крыму, ср. например еще такое любопытное название важнейших ворот в Кафе, как *Caiadore* (*porta caiadoris*), не этимологизируемое из итальянского, и по всей видимости, субстратное слово двухчленной структуры со вторым компонентом, родственным др.-инд. *dvār-* 'дверь', авест. *dvar-* 'ворота, двор'.

V. *gand-aug- '⟨местность⟩ с пробитыми каналами'

Для нижеследующей заметки, имеющей целью воссоздание и этимологию древнего названия одной области меотов восточного Приазовья, находим полезные свидетельства у одного провинциального автора конца прошлого века: «При обзоре нынешней Кубанской области можно без труда заметить, что вся правобережная низменная часть ее изрезана громадной сетью правильно проведенных каналов; очевидно, жители Боспорского царства искусственно содействовали разделению страны на острова; целью прорытия каналов, конечно, была необходимость давать стоки излишним водам при разлитиях Кубани...»³⁸ И далее, там же: «остров... от нынешней реки Куркай до г. Темрюка... именуется Большой Кандаур». Речь идет о географических объектах, относительно быстро меняющих свое лицо. Например, тот же автор сообщает об исчезновении «уже в наше время» реки Куркай³⁹. Малоизвестным стало и название *Кандаур*, если иметь в виду прежде всего упомянутый (Большой) Кандаур, охватывающий значительную часть правобережья нижней Кубани, по которому в старину крупный Курчанский лиман Азовского моря тоже назывался Большой Кандаур⁴⁰. Само название *Кандаур* в русской топонимии распространилось несколько шире, причем форма *Кандаур* и непосредственные производные находятся на Северном Кавказе и на Дону: *Кандаур*, селение на реке

³⁸ Попочевский М. О. Географический очерк Босфорского царства. — Кубанский вестник, т. II. Екатеринодар, 1891, с. 8—9.

³⁹ Там же, с. 10.

⁴⁰ Гёрг К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 11—12.

Ярак-су, быв. Хасав-Юртский уезд, Терская область; *Кандаур* — название ряда хуторов на Дону и его притоках, ср., правда, еще *Кандаурова*, селение в бывшем Александрийском уезде Херсонской губернии. Дальше заходят дальнейшие производные *Кандауровка* (деревни в бывших Курской, Тамбовской, Самарской губерниях), *Кандауровские выселки* (бывшая Рязанская губерния)⁴¹, но тут мы, скорее всего, имеем дело с вторичным функционированием фамилии *Кандауров* и ее производных. Похоже, что эта фамилия распространилась с Северного Кавказа, освоенного русским казачеством. Здесь же, точнее — на нижней Кубани, располагался, по-видимому, эпицентр интересующего нас местного названия *Кандаур*.

Нам неизвестны другие попытки этимологического объяснения названия *Кандаур*, например из тюркских языков, во всяком случае попытки правдоподобного объяснения всего слова в целом. Оговоримся, что тюркский адстрат или суперстрат сыграл, конечно, свою роль в жизни этого названия, ср. оглушение начального согласного и, возможно, гетеросиллабическая трактовка компонентов древнего дифтонга (см. ниже). В остальном мы имеем здесь дотюркское название. Предлагаемая ниже этимология выявляет, как нам кажется, пример редкой гармонии происхождения слова и характера обозначаемого словом объекта. Что касается характера географического объекта, обозначаемого названием *Кандаур*, — это прежде всего местность, искусственно осушаемая каналами, как было сказано выше. Каналы — очень старый атрибут этой страны и ее культуры, они были старыми еще в I в. до н. э., ср. прямое свидетельство Страбона (XI, 2, 11): Φαρνάκης δὲ ποτε καὶ τὸν Ἑπανιν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διά τινος παλαιᾶς διώρυγος, ἀνακαθάρας αὐτήν, [καὶ] κατακλύσαι τὴν χώραν «Фарнак, говорят, однажды отвел даже течение Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну»⁴². Дандарии жили в плавнях кубанского правобережья, и именно они оставили нам памятник своей мелиоративной деятельности — упомянутую сеть каналов. Дандарии и синды жили также (в еще более древнее время?) к северу от Крыма, в низовьях Днепра и Южного Буга, и там также они проводили каналы, применяясь к особенностям местности, т. е. в данном случае скорее для орошения, чем для осушения. И об этом сохранилось точное свидетельство: ...Hypanis per Nomadas et Hylaeos fluit manu facto alveo in Bucen, naturali in Coretum. regio Scythia Sindica nominatur «Гипанис (Ю. Буг. — O. T). течет через (земли) скифов-кочевников и гиляев по руку от вороному руслу в Бугес, а по естественному в Корет. Об-

⁴¹ Russisches geographisches Namenbuch, begründet von M. Vasmer, herausg. von H. Bräuer, Bd. IV, Lief. 1—2. Wiesbaden, 1968, 1969, s. v.

⁴² Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 133.

ласть называется Синдская Скифия» (Plin. *Naturalis historia* IV, 84) ⁴³.

Оставляя открытым вопрос о древности названия *Кандаурова* в Александрийском уезде бывшей Херсонской губернии (см. выше), т. е. на территории только что упомянутой Синдской Скифии, обратим свое главное внимание на название (*Большой*) *Кандаур*, обозначавшее не отдельное селение, а целую область в низовьях правобережной Кубани. Обширность обозначаемого объекта и этимологическая непрозрачность названия говорят скорее о древности названия, чем о его новизне. Основываясь на характере обозначаемой местности, мы объясняем название *Кандаур* как восходящее в конечном счете к субстратному индоарийскому (синдомеотскому) **gand-aur-*, ср. др.-инд. *gandhāyate* ‘ранить, поражать’ и основу, лучше сохранившуюся в древнеиндийском в другой ступени — *vār* ‘вода’. Напрашивается далее, полное тождество синдомеотского **gand-aur-* / *Кандаур* с др.-инд. *Gandhāra*, иначе *Gandharva-deśa*, названием области, лежавшей по течению реки Кабул = др.-инд. *Kubhā-* в северном Пенджабе ⁴⁴, сюда же более позднее *Qandahar*, *Kandahar*, город в Афганистане (=др.-инд. *Nava-Gāndhāra*, получившее название по первоначальной Гандхаре в Пенджабе ⁴⁵); форма *Kandahar* удивительно напоминает фонетическую трактовку нашего *Кандаур*, см. выше. Хотя не все фонетические детали ясны (ср. хотя бы вариацию *Gandhāra* / *Gandharva-deśa* в собственно Индии), связь *Кандаур* / *Gandhāra* / *Qandahar* трудно отрицать. Реальный фон этимологии *Кандаур* < **gand-aur-* ‘(местность) с пробитыми каналами’ тоже вполне очевиден. Функцию глагольной основы **gand-* ‘ранить’ может прояснить аналогия русск. *рани́ть*: *прорáн*.

Не меньший, пожалуй, интерес представляют, далее, некоторые вскрываемые элементы контекстного параллелизма в употреблении синдомеот. **gandaür-* и др.-инд. *Gandhāra* / *Gandharva-deśa*. Начнем с того, что синдомеот. **gandaür-* / *Кандаур* граничит с рекой *Кубань*, а индийская *Gandhāra* расположена по реке *Kubhā*, Кабул, причем на этимологическое тождество названий *Кубань* и *Kubhā* уже давно обращено внимание. Но дело не ограничивается этим. Рядом с областью *Gandhāra* в Северной Индии упоминается область *Udyāna*, по другим данным входившая в древнюю страну *Gandhāra*, или *Gandharva-deśa* ⁴⁶. По-древнеиндийски

⁴³ См. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели, вып. 1. СПб., 1904, с. 172—173; ср. еще: Ritter C. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten vor Herodotus um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Berlin, 1820, S. 181, 187.

⁴⁴ Dey N. L. The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971, p. 60—61.

⁴⁵ Dey N. L. Op. cit., p. 139. Неоправданный скепсис по этому поводу см. Bernard P. Un problème de toponymie antique dans l’Asie Centrale: les noms anciens de Qandahar. — Studia Iranica, t. 3, 1974, p. 181, примеч. 30.

⁴⁶ Dey N. L. Op. cit., p. 209.

ud-yána значит ‘сад’ (буквально ‘выход’). Любопытно, что в северо-восточной Синдики, неподалеку от области **gandaур-* / *Кандаур* мы также находим место с называнием ‘Сады’. Последнее название, известное только в форме греч. Κῆποι, упоминается либо в числе греческих городов (Κῆπος τε ἀποκισθεῖσα διὰ Μιλησίου «Кеп (‘Сад’), основанный выходцами из Милета», Anon. Peripl. P. Eux. 46, 47), либо снабжается пометой «так называемые Сады» (τοὺς ὄνοματαιμένους Κήπους, Aeschin. orationes III; τοὺς καλουμένους Κήπους, Diod. Sic. XX, 24). Такое словоупотребление могло бы указывать на то, что способ называния в этом случае не принесен с собой греками, а позаимствован ими у местного населения. Конечно, это выражено по-гречески, и нам нелегко добиться ответа на вопрос, как же звучало синдомеотское название сада, но обнаруженный выше ситуативный контекст позволяет допустить, что словом ‘Сады’ (Κῆποι, Κῆπος) греки передавали значение туземного **gandaур-* ‘(область) с пробитыми каналами’. Под сады использовались, видимо, предварительно осущенные (или, vice versa, орошенные) земли. Специфика местных условий могла создать особое название сада, в отличие от обычного для ряда языков: ‘сад’ < ‘ограда, огороженный участок’. Соседство и даже совпадение *Gandhāra* — *Udyāna* в Индии отражало бы тогда не случай, а давнюю традицию.

VI. *Минтана* < **multana*- ‘основное, коренное место’

В основном из турецко-татарских источников относительно позднего времени (XVIII в.) мы можем почертнуть еще одно ныне уже совершенно позабытое географическое название — *Минтана*. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. различает, например, между полуостровом Тамань и полуостровом Минтана: «Местность, на которой расположены крепости Темрюк и Тамань, называют Ада-айи шахи (полуостров Шахи), а место, где лежит крепость Ачу, называют Минтана асады (полуостров Минтана)»⁴⁷. Немецкий географ Крыма XVIII в. свидетельствует об «острове Тамань» следующее: «Татары называют его Ада (остров); местные жители — Минтана. Он очень горист и морской берег высок и крут. . . Жители — ясы (цихи), говорящие по-черкасски»⁴⁸. Некоторое несогласие в свидетельствах относительно приуроченности названия *Минтана* не подрывает целиком достоверности факта существования самого названия, которое, видимо, не было татарским, как, впрочем, и чер-

⁴⁷ Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. — В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, под ред. А. С. Тверитиновой. II. М., 1969, с. 124.

⁴⁸ Тунманн. Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936, с. 70.

кесским⁴⁹. Если принять во внимание неизбежность изменения в иноязычной среде, можно предположить, что форма *Минтана* продолжает более древнюю форму *multana, ср. название области в нижнем течении Инда Mūltān в Индии; последнее восходит к др.-инд. *Mūla-sthāna-*, собственно 'основание', 'главное место'⁵⁰. Любопытно сообщение арабского путешественника XIV в. Ибн-батуты, называющего Мултан «столицей синдской земли»⁵¹; напомним, что и приазовская Минтана помещается в античной Синдики или рядом с ней. Конечно, может вызывать сомнения новоиндийский или «народный» фонетический облик *multana-, реконструируемый для приазовского названия *Минтана*, поскольку этимологически он объясняется из др.-инд. *Mūla-sthāna-*, но подобные пракритизмы не редкость даже в наших небогатых индоарийских данных по Северному Причерноморью. Если предположение относительно *Минтана* < *multana- < др.-инд. *Mūla-sthāna-* окажется верным, то целесообразно принимать его во внимание при решении вопроса о происхождении др.-инд. *mūla-* 'корень', лежащего в основе этого слова (индоевропейское или дравидское?)⁵².

И последнее: к числу загадок, которые не только не решены, но даже еще не выдвигались в науке, можно отнести порядок расположения следующих областей и племен в древнем меотском Приазовье. Как уже отмечалось, ближайшая к Синдики или совпадающая с ней область — это Минтана < *multana- < *Mūla-sthāna-*. Дальше, вплоть до Актара (нынешнего Приморско-Ахтарска) Тунманн отмечает наличие особого народа Буртани, или Бриттани, «племя, отличающееся от черкассов и от ногайцев»⁵³, с чем нельзя не соотнести достаточно древнее *Britani*, название одного из боспорских городов у Равеннского Анонима⁵⁴. В заключение перечня вспомним географическое название *Mitrapa!wō ḫṛṣṇā* 'горы (племени) mitraia-' (Luc. Tox.), помещаемое Лукианом несколько в стороне от Меотиды (Азовского моря). Порядок этот покажется вовсе не случайным, если обратить внимание на то, что «древнеиндийская армия имела различные источники формирования и по характеру делилась на «наследственные» (маула), «наемные» (бхрита-), . . . «союзные» (митра). . . »⁵⁵ Историки время от времени поднимают вопрос — существовал ли союз

⁴⁹ Название *Минтана* в адыгских языках неизвестно и не объясняется из них (консультация А. К. Шагирова).

⁵⁰ Sircar D. C. Studies in the geography of Ancient and Medieval India. Delhi—Patna—Varanasi, 1960, p. 44; Dey N. L. The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971, p. 133; Monier-Williams. Op. cit., p. 826—827.

⁵¹ Цит. по: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884, с. 286.

⁵² См.: Mayrhofer II, p. 667.

⁵³ Тунманн. Указ. соч., с. 69, 74.

⁵⁴ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ex libris manuscriptis ediderunt M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, p. 172 (V, 10).

⁵⁵ Культура древней Индии. Отв. ред. А. В. Герасимов. М., 1975, с. 382.

меотских племен и под чьим началом, но обсуждение этого вопроса вскоре само собой гаснет из-за недостатка фактов, тогда как реконструируемая выше цепочка как будто показывает, что меотский союз с центром в Синдики, очевидно, существовал, а также, возможно, что в древнем Приазовье установимы зачатки индоарийской военноадминистративной системы с ее использованием найма и союзничества.

VII. русск. диал. *тарапáн* < **tara-pāna-* 'ложе виноградного пресса'

В этом этюде мы затрагиваем вопрос сохранения в русских местных говорах отдельных субстратных слов-реликтов интересующего нас происхождения. В словаре Даля слово *тарапáн* 'каменное корыто или деревянный ларь, в котором давят, топчут виноград' дано как новороссийское и татарское⁵⁶. Последняя помета способна ввести в заблуждение, так как тюркской этимологии названное слово не имеет, поэтому целесообразнее видеть в этом указание на район бытования, т. е. Крым (см. также ниже). Фасмер считает слово темным⁵⁷. В связи с этим имеет смысл попытаться найти этимологию этого локального слова. Его ограниченно местное распространение по Далю подтверждают сведения из картотеки Словаря русских народных говоров (Ленинград), представленные двумя примерами, связанными с Крымом: А в случае продажи всех вин из-под тараpana или вскоре по слитии их с дрожжей кавист напрасно будет получать деньги и содержание: ему нечего делать (А. И. Казначеев. Письмо Н. Н. Раевскому 19 июня 1839 г. Архив Раевских III, 165⁵⁸); *Тараpan*, или *тарпан*. Корыто, выдолбленное в цельном камне, различной вместимости, от 15 до 20 ведер. В них в Бельбекской долине, Таврической губернии, вытаптывают виноградное вино (В. П. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, промыслов и быта народного, т. III. СПб., 1844, с. 314⁵⁹). Виноградарство в Крыму имеет дотатарскую и даже, видимо, догреческую давность. Во всяком случае винодельческий термин *тарапан* не связан с греческим языком. Сама же реалия — каменный сосуд для выдавливания винограда или массивное каменное ложе рычажного винодельческого пресса, снабженное желобом и сливом, — находка,

⁵⁶ Даль IV², с. 391.

⁵⁷ Фасмер IV, с. 22.

⁵⁸ Известные своим виноградарством имения Раевских находились близ Аюдага, на Южном берегу Крыма.

⁵⁹ Имеющееся, далее, в картотеке Словаря русских народных говоров *тарпáн* м. р. 'приспособление для резки камыша, стеблей кукурузы в виде небольшой косы' (в говоре казаков-некрасовцев, в дельте Дуная) — совершенно особое слово, восходящее к греч. δρέπλαγον 'серп' через явное тюркское посредство (оглушение начального согласного, ликвидация группы согласных в начале слова и т. д.).

встречающаяся при археологических раскопках древнего Боспорского царства⁶⁰. Любопытно, что находки таких виноградных прессов-тарапанов отмечены и в древних поселениях тавров в нагорном районе Херсонеса⁶¹, следовательно, практически в тех же местах, где дожило до нашего времени слово *tarapan*.

Принцип тараpana как ложа, снабженного желобом, состоит в том, чтобы сок винограда, уступая давлению пресса, стекал по желобу, не переливаясь по сторонам. В связи с этим мы предполагаем, что слово *tarapan* восходит к субстратному **tara-pāna-*, буквально 'защита от перехода (здесь: переливания через край)'. Эта древняя форма не сохранилась, хотя сложение подобного типа мы видим, например, в др.-инд. *vāta-pānam* 'защита от ветра'⁶². Оба компонента *tara-* 'переход' и *pāna-* 'защита, укрытие' представлены в отдельности как в индийском, так и в иранском, причем в иранском известен ряд сложений со вторым компонентом *-pāna* (авест. *rəši-pāna-* 'хранитель моста', *śoīθrō-pāna-* 'страж жилища', согд. **arspān* 'хозяин', ир. **fšu-pāna-* 'пастух', согд. **pardezpān* 'начальник парка', иидга-мунджан. *xal'fān* 'кожаный мешок для муки', я gnob. *aŋgušpāna* 'наперсток', буквально 'хранитель пальца'). Однако следы субстратного слова **tara-pāna-* ведут в горный и южный Крым, а это в наших глазах ослабляет вероятие его иранского происхождения и, наоборот, усиливает возможность наследования из языка местных индо-арийцев.

⁶⁰ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 106, 108, 169, рис. 29; Он же. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк). — В кн.: Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры I. М.—Л., 1955, с. 106; Он же. Виноделие на Боспоре. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР № 85. Боспорские города. II. М.—Л., 1958.

⁶¹ Дьяков В. И. Древняя Таврика до римской оккупации. — ВДИ 1939, № 3, с. 85.

⁶² См. Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik, Bd. II, 2. Göttingen, 1954, S. 186.